Автор: Оргкомитет
30.03.2019 21:05

Автор - Егор Лемек, Самуй (Таиланд).

Масло

так много в лете сливочного масла.
оно боками мягкими лоснится
и палочками от пломбира
намазывает сливочное масло
на детские замызганные лица,
на конопатые изжаренные спины,
как липнет к подгорающему маслу
пух тополиный!
двор пухнет, пахнет, варево плеская,
огромный будто кухня полевая.
солдатики из олова и масла
песочные галеты испекают.
но тут кричит им старший:
в ружье! в ружье!
они хватают ветки
несутся в желтом вареве кипящем,
рассеиваясь тополиным пухом.

куда по клумбам! - голосит соседка.
скрипит старуха: помню, было время
за тридцать граммов сливочного масла
могли убить, жениться и отдаться.
да, помню, было время.

но боже мой.
как муторно и страшно.
как жалко всех –
живых и настоящих.

стихает к ночи полевая кухня,
и сливочное масло застывает
на клумбах, окнах,
сонных детских спинах,
на шамкающем сне старухи.

С первым снежком вас

что тут поделать
от ревности
зависти
или любви
с первым снежком мне всегда вспоминаетесь
вы
вы
вы

просто такое в природе изящество
ле
по
та
легкое
хрупкое
и настоящее
вполоборота

кто вы сегодня? Джульетта ли
Золушка?
Маша?
Жизель?
или везут вас
промерзшей по горлышко
через метель
с голода
холода

к хлебу хрустящему
в Алма-
Ату
легкую
хрупкую
и настоящую
ту
ту
ту

так подпевайте мне
зряшному
пьяному
тра-
та-
та
с первым снежком вас
Галина Уланова

как
вы
там?

Белый кролик

Это была глупая американская песенка,
длинная американская песенка,
я запомнил из неё одну строку,
тошнотворно повторяющийся рефрен,
который доводил меня до бешенства,
вот он:
white rabbit jumping in a black forest,
white rabbit jumping in a black forest.

Она пела её в самых неподходящих местах и моментах.
Например, когда мы лежали на пляже:
Обездвиженные, раздавленные июльским солнцем,
и река – мутная, теплая, пахнущая прокисшим молоком и рыбой,
пыталась нашептать что-то сокровенное,
но тут она нависала надо мной, некрасиво улыбалась,
обнажая кроличьи передние зубы,
Я знал, что будет дальше.
Сдавливал её рот ладонью –
часто – сильно и больно,
но белый кролик был живуч,
он прыгал в черном лесу

и мычал, пытаясь укусить меня за руку:
white rabbit jumping in a black forest,
white rabbit jumping in a black forest.

Он был с нами везде: в кино, парке, ментовке,
куда попали, стыдно рассказывать за что,
поэтому, не буду.
Мы вообще часто попадали, так, бывало, попадали
(втроем: я, она и белый кролик)
Но всегда выбирались.
Это было нашим квестом.

Когда я уезжал служить – далеко и надолго,
она мне сказала: ты же не думаешь,
что буду тебя ждать? Не думаешь? Вот и славно,
обещаю тебя не дождаться.
И ушла, напевая:
white rabbit jumping in a black forest,
white rabbit jumping in a black forest.

Ушла напевая, ни разу не оглянулась
и обещанье свое сдержала.
Кстати, я ей за это очень благодарен,
Потому что после не встречал женщин,
которые сдерживают свое слово,
и я больше её никогда не видел.
Знакомый сказал, что вроде
она погибла в автодорожке,
где-то под Ивано-Франковском.
Я ему, конечно, не поверил –
с ней ведь форева white rabbit
с неубиваемым оптимизмом.
Скорее всего, она уехала в Америку
(бредила Америкой)

Если в каком-нибудь техасском баре,
Вы будете сидеть, охуевая от жары,
(потому что у них тоже часто в барах не работают кондишки,
как у нас, даже, наверное, чаще)
и вдруг услышите за спиной
её хрипловатый голос, напевающий:
white rabbit jumping in a black forest,
white rabbit jumping in a black forest.

Передайте привет и скажите,
что в черном лесу

очень не хватает её белого кролика
с неубиваемым оптимизмом.